

3.50
Л. Рыбалка.

Les social-démocrates russes et la question nationale.

Л. РЫБАЛКА.

М-ти Ю. Шаповала

№ 963

РУССКІЕ СОЦІАЛДЕМОКРАТЫ

И

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

ЖЕНЕВА

редакції української соціалдемократическої газети

„Боротьба“

1917

963

РУССКІЕ СОЦІАЛДЕМОКРАТЫ

И

НАЦІОНАЛЬНЫИ ВОПРОСЪ

РУССКІЕ СОЦІАЛДЕМОКРАТЫ

И

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

Редакція женеваго „Соціалдемократа“ — Центрального органа Рос. С.-Д. Раб. Партіи — издала „Сборникъ“, посвященный главнымъ образомъ національному вопросу и защитѣ „права на самоопредѣленіе націй“.

Русскіе соціалдемократы, относившіеся въ свое время совершенно равнодушно къ національному вопросу, начали въ послѣдніе годы имъ интересоваться.

Впрочемъ, правое ихъ крыло, повернувшее такъ круто передъ войной въ сторону оппортунизма, а за время войны въ сторону патріотизма, вовсе не заботится о націяхъ, угнетенныхъ его „защищаемыхъ“ и дорогимъ „отечествомъ“. Мы о нихъ поэтому и говорить не будемъ.

Революціонное крыло русскихъ соціалдемократовъ, наоборотъ, очень активно выступаетъ по національному вопросу. Этимъ занимается преимущественно его заграничное представительство, которое, пользуясь всеобщей сумятицей, властно декретируетъ свои взгляды, проклиная несогласныхъ.

Наша народная пословица говоритъ, что „чертъ въ дѣйствительности вовсе не такой страшный, какимъ его рисуютъ“. И это правда. Отбросивъ поэтому суевѣрные предрасудки, мы приступаемъ къ изложенію нашего предмета.

„Сборникъ“ начинается „Тезисами“, посвящими громкое заглавіе „Соціалистическая революція и право націй на самоопредѣленіе“. Въ нихъ мы читаемъ:

„Право на самоопредѣленіе націй означаетъ исключительное право на независимость въ политическомъ смыслѣ, на свободное политическое отдѣленіе отъ угнетающей націи. Конкретно, это требованіе политической демократіи означаетъ полную свободу агитаціи за отдѣленіе и рѣшеніе вопроса объ отдѣленіи референдумомъ отдѣляющейся націи. Такимъ образомъ это требованіе вовсе не равносильно требованію отдѣленія, дробленія, образования мелкихъ государствъ. Оно означаетъ лишь послѣдовательное выраженіе борьбы противъ всякаго національнаго гнета. Чѣмъ ближе демократическій строй къ полной свободѣ отдѣленія, тѣмъ рѣже и слабѣе будутъ на практикѣ стремленія къ отдѣленію, ибо выгоды крупныхъ государствъ и съ точки зрѣнія экономическаго прогресса и съ точки зрѣнія интересовъ массы несомнѣнны, причемъ онѣ все возрастаютъ съ ростомъ капитализма“ ...

„Цѣлью социализма является не только уничтоженіе раздробленности человѣчества на мелкія государства и всякой обособленности націй, не только сближеніе націй, но и сляніе ихъ. И именно для того, чтобы достигнуть этой цѣли, мы должны“ ... „требовать освобожденія націй не въ общихъ расплывчатыхъ фразахъ, не въ безсодержательныхъ декламаціяхъ, не въ формѣ „откладыванія“ вопроса до социализма, а въ ясно и точно сформулированной политической программѣ, специально учитывающей лицомѣріе и трусость социалистовъ въ угнетающихъ націяхъ“.

Цитата эта опредѣляетъ основныя взгляды редакціи Центрального Органа Р. С.-Д. Р. П. на національный вопросъ. Поразительна, однако, бросающаяся въ глаза, противорѣчивость этихъ взглядовъ.

Такъ, напримѣръ, за признаніемъ „права на само-

опредѣленіе націй“, которое понимается въ исключительномъ смыслѣ права „отдѣленія отъ угнетающей націи“, слѣдуетъ непосредственно утвержденіе, что „выгоды крупныхъ государствъ съ точки зрѣнія экономическаго прогресса и съ точки зрѣнія интересовъ массы несомнѣнны“.

Эти два положенія исключаютъ другъ друга. Потому что, если мы признаемъ, что „съ развитіемъ капитализма“ крупныя государства все больше служатъ интересамъ массъ и прогресса, то наша защита „права на самоопредѣленіе націй“, осуществленіе котораго разъединяетъ „крупныя государства“, играла бы роль препятствія развитію „крупныхъ государствъ“ и капиталистическому прогрессу вообще. Имѣя это въ виду и какъ бы для того, чтобы окончательно зашутать вопросъ, авторы „тезисовъ“ отмѣчаютъ, что дѣйствительно „требованіе свободнаго отдѣленія отъ угнетающей націи“ „вовсе не равносильно требованію отдѣленія, дробленія, образованія мелкихъ государствъ“.

Изъ этого слѣдуетъ, что программа въ національномъ вопросѣ Центральнаго органа Р.С.-Д.Р.П., заключающаяся въ *признаніи* „права на самоопредѣленіе націй“ и въ одновременномъ его *отрицаніи*, — равняется нулю.

Но если въ математикѣ нули обозначаютъ *ничто*, то политическіе программные нули часто выставляются какъ большія политическія числа, а защитники такихъ нулей, какъ это произошло, на примѣръ, въ нашемъ случаѣ, выступаютъ съ „требованіемъ освобожденія націй не въ общихъ расплывчатыхъ фразахъ, не въ безсодержательныхъ декламаціяхъ, не въ формѣ „откладыванія“ вопроса до социализма, а въ ясно и точно сформулированной программѣ, специально учитывающей лицемѣріе и трусость социалистовъ въ угнетающихъ націяхъ“.

Какимъ бы страннымъ и не казалось это „требованіе“, провозглашаемое людьми, программа которыхъ по національному вопросу равняется нулю, но мы все же охотно

признаемъ необходимость для социалистовъ въ національномъ вопросѣ „ясно и точно формулированной программы, специально учитывающей лицемѣріе и трусость социалистовъ въ угнетающихъ націяхъ“.

Ибо только принявъ во вниманіе это лицемѣріе намъ станетъ понятнымъ „право на самоопредѣленіе націй“, защищаемое русскими социалдемократами.

Принципъ „права на самоопредѣленіе націй“ былъ признанъ ими когда они еще не были разъединены и объединялись вокругъ газеты „Искра“, выходившей въ Женевѣ. Такъ еще въ 1903 году по поводу сороколѣтія послѣдняго польскаго возстанія 1863 года, русская и польская социалистическая пресса занялась обсужденіемъ національнаго вопроса съ связи съ вопросомъ возстановленія независимой Польши. Въ 44 номерѣ „Искры“ была, между прочимъ, напечатана передовая статья Ленина „Національный вопросъ въ нашей программѣ“. Статья эта посвящена вопросу о „правѣ на самоопредѣленіе націй“ и въ ней, какъ и въ „Сборникѣ“, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, Ленинъ, выступая въ защиту „права на самоопредѣленіе“, тотчасъ же спѣшитъ добавить, что „безусловное признаніе борьбы за свободу самоопредѣленія вовсе не обязываетъ насъ поддерживать всякое требованіе національнаго самоопредѣленія“.

Полемизируя далѣе съ П.П.С., Ленинъ отмѣчаетъ разницу между прежней повстанской и демократической Польшей и современной буржуазной, что *тогда* (во время Маркса) „полная побѣда демократіи въ Европѣ дѣйствительно была невозможной безъ возстановленія Польши“ и что *теперь* „Петербургъ сдѣлался гораздо болѣе важнымъ революционнымъ центромъ, чѣмъ Варшава, русское революціонное движеніе имѣетъ уже болѣе крупное международное значеніе, чѣмъ польское“. Цитируя затѣмъ слова Меринга о томъ, что возстановленіе Польши является „реакціонной утопіей“ и что „въ настоящее время возстановленіе Польши возможно лишь посредствомъ ре-

волюці, которой современный пролетаріатъ разобьетъ свои цѣпи“, Ленинъ добавляетъ: „Мы вполне подписываемся подъ такимъ выводомъ Меринга“.

Исходя изъ этого онъ рѣшительно выступаетъ *противъ* „распаденія Россіи, къ которому стремится польская социалистическая партія, въ отличие отъ нашей цѣли сверженія самодержавія“ и заявляетъ въ концѣ статьи, что „мы всегда будемъ говорить польскому рабочему: только самый полный союзъ съ русскимъ пролетаріатомъ способенъ удовлетворить требованіямъ текущей, данной политической борьбы противъ самодержавія, только такой союзъ дастъ гарантію политическаго и экономическаго освобожденія.“

То, что мы сказали о польскомъ вопросѣ, примѣнимо и ко всякому другому національному вопросу“.

Итакъ, Ленинъ, заявивъ въ 1903 г. о признаніи имъ права на отдѣленіе націй, въ той же статьѣ престоервенно выступилъ противъ „распада Россіи“ и значить противъ „самоопредѣленія“ не только поляковъ, но и всѣхъ остальныхъ угнетенныхъ націй Россіи, какъ это вполне ясно слѣдуетъ изъ его послѣднихъ, подчеркнутыхъ нами, словъ.

Интересно, что русскіе социалдемократы, дѣлая видъ будто они отстаиваютъ „право на самоопредѣленіе націй“, пресерьезно обѣщаютъ такъ же, что это право будетъ признано государствомъ, чего добьется „союзъ польскаго и русскаго пролетаріата во имя требованія демократической республики, которая обезпечитъ всѣмъ націямъ право свободнаго самоопредѣленія“ („Искра“ № 33, „За сорокъ лѣтъ“). Въ „Тезисахъ“ „Сборника“ также сказано, что „чѣмъ ближе демократическій строй государства къ полной свободѣ отдѣленія, тѣмъ рѣже и слабѣе будутъ въ практикѣ стремленія къ отдѣленію“.

Странная, неправда-ли, свобода, отъ которой въ мѣру ея достиженія будутъ отказываться угнетенныя націи! Это напоминаетъ намъ рѣчь Родичева въ Думѣ, который

говорилъ: „Дайте украинцамъ школу для того, чтобы они потомъ сами отказались отъ нея“. Но если такое издѣвательство русскаго либерала надъ требованіями угнетеннаго Россіей народа понятно, то толкованіе русскими социалдемократами ихъ „права на самоопредѣленіе націй“, какъ права, которое по его достиженіи откажутся осуществить угнетенныя націи, толкованіе при томъ отъ интернаціонализма и отъ социализма, можетъ поражать и возмущать.

Не менѣе удивительно и обѣщаніе русскихъ социалдемократовъ добиться „обезпеченія“ демократической республикой права свободнаго отдѣленія. Вѣдь если въ Россіи и будетъ дѣйствительно осуществленъ демократическій порядокъ, то считаясь съ примѣромъ развитія западноевропейскихъ государствъ и принимая такъ же во вниманіе реакціонность и рѣзко выраженный имперіалистическій характеръ политики русской буржуазіи, можно съ увѣренностью сказать, что она не только не будетъ противъ ослабленія царскаго централизма, но усилитъ его, превративъ изъ исключительно бюрократическаго въ общественную систему угнетенія націй російской имперіи.

Смѣшно вообще говорить о возможности „обезпеченія“ властью капиталистическаго государства „правъ на самоопредѣленіе націй“. Каждое государство, наиболее демократическое, и въ особенности теперь въ иѣкъ имперіализма, не только никогда не согласится разрѣшить угнетеннымъ націямъ отдѣляться, но всегда будетъ стремиться къ новымъ территоріальнымъ приобрѣтеніямъ, къ новому угнетенію націй. Капиталистическія правительства всегда относились къ „праву на самоопредѣленіе націй“, какъ къ измѣнѣ отечеству и караютъ виновныхъ смертною казнью.

Обѣщаніе русскихъ социалдемократовъ „обезпечить“ въ російской республикѣ „право на отдѣленіе“, мы были бы въ правѣ считать преступнымъ и сознатель-

нымъ обманомъ демократіи угнетенныхъ народовъ, если бы мы не вспомнили въ ихъ оправданіе о ихъ идеализации демократической Россіи, русскихъ „трудящихся массъ“ и политической революціи, которую они часто отождествляютъ съ революціей соціальной.

Ленинъ, напрімѣръ, не сомнѣвается, что въ настоящей войнѣ его партія сможетъ захватить въ свои руки власть и что тогда: „мы предложили бы, общааетъ онъ, Миръ *всѣмъ* воюющимъ на условіи освобожденія колоній и *всѣмъ* зависимыхъ, угнетенныхъ и неполноправныхъ народовъ. Ни Германія ни Англія съ Франціей не приняли бы, при теперешнихъ правительствахъ ихъ, этого условія. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революціонную войну т. е. не только полностью провели бы самими рѣшительными мѣрами (!) всю нашу программу-минимумъ, но и систематически стали бы поднимать на возстаніе всѣ нынѣ угнетенные великороссами народы, всѣ колоніи и зависимыя страны Азіи (Индію, Китай, Персію и пр.), а также — и въ первую голову — подняли бы на возстаніе соціалистической пролетаріатъ Европы противъ его правительство и вопреки его соціал-шовинистамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что побѣда пролетаріата въ Россіи дала бы необыкновенно благоприятныя условія для развитія революціи въ Азіи и Европѣ“. („Соціалдемократъ“ № 17, 13 октября 1915 года).

Въ дополненіе къ этой революціонной белибердѣ приведемъ еще цитату изъ другой русской соціалистической газеты „Впередъ“ (№ 2), представляющей лѣвое крыло большевиковъ, которая убѣждена, что если Россія во время войны демократизовалась бы, то „перестала бы быть пугаломъ для балканскихъ (!) и австрійскихъ (!) славянъ (!), наоборотъ, она была бы для нихъ такимъ могущественнымъ магнитомъ, что тотъ часъ запатался бы австрійскій милитаризмъ. Самымъ фактомъ своего демократизма Россія обезоружила бы своихъ враговъ“.

Эта слѣпая вѣра въ демократическія и социалистическія преимущества Россіи, съ нашей точки зрѣнія, вовсе не является выраженіемъ, какъ это принято думать, особенной революціонности и интернаціоналистической непогрѣшимости русскаго социализма. Наоборотъ, если принять во вниманіе развитіе русскихъ либеральныхъ идей прошлаго столѣтія въ отношеніи ихъ къ національному вопросу, то мы увидимъ, что національная программа русскихъ революціонныхъ социалдемократовъ является ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ великорусской либеральной патріотической программы, формулированной въ эпоху освобожденія крестьянъ.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ и можно сказать творцемъ этой программы былъ, какъ извѣстно, Герценъ, этотъ „властитель думъ“ періода 60-хъ годовъ. Въ тѣ времена очень рѣзко стоялъ польскій вопросъ, въ виду польскаго возстанія, совпавшаго съ освободительнымъ русскимъ движеніемъ 60-хъ годовъ.

Всѣ попытки соглашенія русскихъ либераловъ и польскихъ повстанцевъ не привели ни къ какому положительному результату, а съ наступленіемъ реакціи при Александрѣ II русское общество, начавшее быстро проникаться патріотическими настроеніями, отвернулось отъ Польши, которую царизмъ взялъ въ свои желѣзныя лапы. Оправданіемъ его звѣрскихъ издѣвательствъ надъ польской націей послужили, между прочимъ, идеи славянофильства, которыя изъ федералистической программы превратились въ программу великорусскаго патріотизма и подъ ея знаменемъ царизмъ „освобождалъ“ въ 1877 г. балканскихъ „братушекъ“.

Замѣчательно, что герценовская національная федералистическая программа, заключавшая въ себѣ уже всѣ элементы ненасытнаго великорусскаго націонализма, была построена на принципѣ... .. „права на самоопредѣленіе націй“.

Отвѣчая польскому писателю въ открытомъ письмѣ,

помѣщенномъ въ № 34 „Колокола“ за январь 1859 г. подъ заглавіемъ „Россія и Польша“, Герценъ пишетъ:

„Польша, какъ Италия, какъ Венгрія имѣетъ неотъемлемое полное право на государственное существованіе независимое отъ Россіи. Желаетъ ли мы, чтобы свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, мы этого не желаемъ и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общественное свободное развитіе.

Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука объ руку идти одной дорогой въ новой свободной социальной жизни.

Мы думаемъ, что Польша и Россія не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія. У Австріи и Ломбардіи совершенно разныя дороги, гибель Австріи единственное условіе жизни народовъ, скованныхъ ею во-едино“.

„Совсѣмъ напротивъ Россія, такая же живая личность какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ „вѣтхія дѣньги“ съ своимъ богатствомъ и съ своими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ истрѣленными, въ послѣдніе три вѣка знаменами, покрытыя славою, идутъ на отдыхъ, а Россія только что выступаетъ на плацъ, на парадное мѣсто въ исторіи. Самое имя Россіи, оно начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.

Россія, кромѣ границъ своихъ, представляетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русскій сознаетъ себя частью державы, сознаетъ родство свое со всѣмъ населеніемъ, воспитанномъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Отъ того-то, гдѣ бы русскій не жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ Океаномъ, онъ прислушивается, когда

враги переходят русскую границу и готовы идти на помощь Москвѣ такъ, какъ шель въ 1612 и въ 1812 г.“

Обсуждая далѣе вопросъ о границахъ между Польшей и Россіей и послѣ словъ: „Но скажите, что же мы за наследники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать каканъ полоса куда принадлежитъ, *не спросясь людей на ней живущихъ*“, Герценъ пишетъ:

„Ну, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украина, помнящая всѣ притѣсненія Москалей, и крѣпостное состояніе, и наборы, и безправіе, и грабежъ, и кнутъ съ одной стороны и не забывая съ другой каково ей было за Рѣчью-Посполитой съ жолнерами, панами и коронными чиновниками не захочетъ быть *ни польской, ни русской*? По моему вопросъ рѣшается очень просто, Украину слѣдуетъ признать свободной и независимой“.

„Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщиками, что потеряли всякое чувство народности, совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито — что-же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны принадлежать Польшѣ?“

Развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнуть черезъ кнутъ къ намъ, черезъ налечь къ вамъ, или, *если они умны*, протянуть намъ обоимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обоихъ“.

„Для того, чтобы сказать *можно ли идти* съ Россіей или нѣтъ, *надобно* посмотреть что выйдетъ изъ общаго движенія, въ которое Россія ринута“...“

„Если же Россія, запнувшись на первомъ шагѣ (освобожденіе крестьянъ съ землею. 1. Р.), останется подъ розгой помѣщика, подъ палкой полиціи, безъ суда, безъ правъ, управляемая ординарцами и писарями; если все это движеніе окажется слабымъ и мы безропотно воротимся къ

Николаевскому времени, тогда не только Польшѣ, не только Украинѣ не слѣдуетъ оставаться съ Россіей, но слѣдуетъ имъ соединиться, идти на Москву и разгромить это исполненное здание рабства.

Вотъ вамъ весь нашъ взглядъ, и чтобы ни сказали русскіе патриоты, или ваши, мы его не измѣнимъ и ему не измѣнимъ потому, что мы убѣждены въ его истиннѣ сердцемъ и умомъ.“

Мы нарочно не пожалѣли мѣста для этой длинной цитаты, чтобы показать все удивительное сходство взглядовъ Герцена на національный вопросъ съ современной программой „права на самоопредѣленіе націй“ русскихъ социалдемократовъ, называющихъ себя интернационалистами.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Герценъ даже рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе Ленина, но они оба національные близнецы и ихъ взгляды на національный вопросъ въ общемъ тождественны.

Оба они признаютъ за націями „неотъемлемое полное право на государственное существованіе независимо отъ Россіи“, но если вы ихъ спросите желаютъ ли они на самомъ дѣлѣ отдѣленія угнетенныхъ Россіей націй, то они въ одинъ голосъ и дружно отвѣтятъ вамъ: „*Нѣтъ, мы это не желаемъ!*“ Они враги „распаденія Россіи“ и, признавая лишь для формы „право на самоопредѣленіе“, въ дѣйствительности являются горячими защитниками ея единства. Герценъ, исходя изъ того, что „исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое свободное развитіе“, а Ленинъ потому что „выгоды крупныхъ государствъ и съ точки зрѣнія экономическаго прогресса и съ точки зрѣнія интересовъ массы несомнѣнны“.

Обоихъ дѣятелей — либеральнаго и социалистическаго — объединяетъ такъ же преклошеніе передъ величіемъ Россіи и оба они съ одинаковымъ воодушевленіемъ счи-

тають ее Мессією спасенія челоуѣчества отъ соціальной неправды. Герценъ обосновываетъ свои надежды въ этомъ отношеніи на великорусской „общинѣ“, а Ленинъ на „россійскомъ пролетаріатѣ“ и оба они увѣрены, что не „вѣтхая [деньми]“ и „идущая на отдыхъ“ Западная Европа, а Россія первая осуществитъ социализмъ, при чемъ Ленинъ воображаетъ даже, что во время настоящей войны социалистическій русскій пролетаріатъ, захвативъ съ свои руки власть и объявивъ войну Западной Европѣ..., „подниметь въ ней на возстаніе социалистическій пролетаріатъ Европы противъ его правительствъ и вопреки его соціаль шовинистамъ“.

Оба они такъ же занимають формально весьма крайнюю позицію въ національномъ вопросѣ. Герценъ готовъ обратиться къ угнетеннымъ націямъ, если Россія не осуществитъ „соціального идеала“ съ призывомъ „идти на Москву и разгромить это исполинское зданіе рабства“, а Ленинъ обѣщаетъ, что его партія, захвативъ власть въ свои руки во время настоящей войны, „станеть поднимать на возстаніе всѣ нынѣ угнетенные великороссами народы“.

Это единомысліе въ національномъ вопросѣ отца русскаго либерализма и лидера современнаго русскаго социализма весьма, конечно, знаменательно.

Герценовскій славянофильскій федералистическій „интернационализмъ“, не говоря о его реакціонномъ отпрыскѣ въ формѣ современнаго неославянскаго движенія, превратился въ настоящемъ русскомъ либеральномъ движеніи въ программу великорусской агрессивной имперіалистической политики, открыто враждебной къ національно-освободительнымъ движеніямъ угнетенныхъ народовъ Россіи.

Герценъ былъ теоритическимъ творцомъ идеи великой Россіи, творцемъ великорусскаго буржуазнаго патриотизма. Но его эпоха была эпохой идеалистической, юношеской стадіи развитія русскаго либерализма и поэтому

его великорусскій патриотизмъ принялъ революціонную форму.

Въ этой именно революціонной формѣ и приняли программу русскихъ либераловъ въ національномъ вопросѣ русскіе социалдемократы и если они обновили старую либеральную революціонность новѣйшей пролетарской, то все же содержаніе программы осталось въ общемъ не измѣненнымъ.

Что такое „право на самоопредѣленіе націй“? Буржуазія угнетающей націи пользуется этимъ „правомъ“ для подогрѣванія у своихъ или чужихъ угнетенныхъ націй патриотическихъ чувствъ преданности „крупнымъ государствамъ“. Подобно Герцену и Ленину, которые обѣщаютъ „обезпечить“ „право на самоопредѣленіе“ въ свободной и демократической Россіи, буржуазія и ея правительства тоже обыкновенно обѣщаютъ освобожденіе угнетеннымъ націямъ *послѣ* чего нибудь, напр. *послѣ* войны.

Русское общественное мнѣніе весьма сочувственно отнеслось къ царскому обѣщанію „самоопредѣленія“ польскому народу *послѣ* войны. Однако его отношеніе къ судьбамъ другихъ угнетенныхъ народовъ было нѣсколько инымъ. Въ этомъ отношеніи весьма характерна та позиція, которую заняла русская правая и либеральная пресса въ вопросѣ о поведеніи правительственной власти въ завоеванной теперь части Галиціи и Буковины.

Послѣ перваго завоеванія австрійской Украйны, русскіе войска и чиновничество, какъ свѣтское, такъ и духовное, отличилось, какъ извѣстно, такимъ варварскимъ отношеніемъ къ украинскому населенію, что во время втораго нашествія русскихъ войскъ украинское населеніе старалось, какъ это было отмѣчено русской прессой, заранѣе покинуть свои жилища. Русская пресса не могла не обратить на это вниманія и со всѣхъ сторонъ посылались упреки на правительство за то, что оно возста-

новило противъ себя галицкое населеніе и усилило въ немъ австрофильскія симпатіи.

Однако, какъ правая, такъ и либеральная русская печать, обвиняетъ правительство не за само насиліе надъ украинскимъ австрійскимъ населеніемъ, а только за то, что правительство уже во время войны начало угнетать австрійскую Украину. „Колоколь“ откровенно писалъ, что для разрѣшенія вопроса о „галицкомъ украинифильствѣ“ „придетъ свое время, когда завоеваніе окончной русской области окончательно и нерушимо будетъ закрѣплено за Россійской Имперіей“, а пока совѣтуетъ „не вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Галиціи“. Въ томъ же духѣ высказалось и „Новое Время“, заявившее, что разрѣшеніе „гражданской задачи“ въ Галиціи „пока еще преждевременно“. „Русскія Вѣдомости“ въ свою очередь обвиняютъ правительство, что оно, „не ожидая окончанія войны“, хотѣло осуществить въ оккупированномъ краѣ „внутренне-политическія задачи“. „День“ тоже отмѣчаетъ, что „гражданское національное вѣроисповѣдное переустройство края должно быть оставлено до времени послѣ окончанія войны“. Таковую же приблизительно позицію заняла и „Рѣчь“, при чемъ, какъ она, такъ и вся, писавшая объ австрійской Украинѣ, русская пресса, требуя уваженія со стороны правительства къ національнымъ и религіознымъ особенностямъ оккупированнаго края, ни словомъ не упоминаетъ о томъ крайнемъ угнетеніи, которому подвергается за время войны украинское движеніе въ Россіи.

Но наиболѣе характернымъ было заявленіе, сдѣланное относительно австрійской Украины кн. Е. Трубецкимъ въ „Русскомъ Словѣ“ (№ 171 за 1906 г.) „Если мы, писалъ онъ, ставимъ себѣ цѣлью *смяніе* галичанъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, мы должны съ самаго начала внушить имъ убѣжденіе, что быть русскимъ для нихъ значить не отрекаться отъ своихъ религіозныхъ вѣрованій и національныхъ особенностей, а сохранять ихъ“.

Эти слова свидетельствуют, что Ленинъ солидаренъ въ національномъ вопросѣ не только съ Герценомъ, но и съ кн. Трубецкимъ, такъ какъ и кн. Трубецкой и Ленинъ общаются угнетеннымъ націямъ, первый — „сохраненіе ихъ національныхъ особенностей“, а Ленинъ — „право на самоопредѣленіе“, но оба въ цѣляхъ *слинія* націй.

Вообще обѣщаніе „права“ на освобожденіе со стороны угнетателя всегда является „лицемѣріемъ“. Въѣдь это право рѣшительно противоположно его интересамъ и потому, если онъ его обѣщаетъ, то только для того, чтобы обмануть угнетеннаго и такимъ путемъ продолжать свое господство.

Такимъ же лемагогическимъ лозунгомъ, какъ „право на самоопредѣленіе націй“, можно считать и лозунгъ „права на трудъ“, который издавна служитъ буржуазія средствомъ обмана рабочихъ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“ и если мы представимъ себѣ вмѣстѣ съ Герценомъ, что Украина, вспомнивъ свое великое выступленіе противъ Польши и побѣду надъ ней, возстанетъ противъ Россіи, и пойдетъ противъ нея войной, то о какомъ „правѣ“ Украины можно будетъ говорить въ такой моментъ *).

) Кстати отмѣтимъ, что „Сборникъ“ предлагаетъ въ его „Тезисахъ“ рѣшеніе вопроса объ отдѣленіи референдумомъ отдѣляющейся націи. Ничего нѣтъ ошибочнѣе такого взгляда. Самостоятельно отдѣлившаяся нація не нуждается въ референдумѣ. Къ референдуму можетъ прибѣгнуть только завоеватель или вообще господствующая власть и при такихъ условіяхъ референдумъ можетъ быть лишь проявленіемъ насилія. Хорошо бы, напримѣръ, выглядѣлъ референдумъ, организованный теперь нѣмцами въ Польшѣ. Ходятъ такъ-же слухи, что черносотенцы отстаиваютъ необходимость референдума на Украинѣ для разрѣшенія вопроса о ея національной школѣ. Нельзя сомнѣваться, что при теперешнихъ полицейскихъ условіяхъ, когда даже украинское печатное слово запрещено, такой референдумъ дастъ благоприятный для царскаго правительства отвѣтъ.

нія, что русское правительство и буржуазія употребятъ всё свои усилія, а также и помощь союзныхъ имъ государствъ для побѣды надъ Украиной, для ея разгрома и новаго подчиненія.

Но какъ поступить въ такомъ случаѣ русскій пролетаріатъ? Если онъ будетъ воспитанъ въ духѣ ленинскаго „права на самоопредѣленіе“ и если мы допустимъ даже, что въ случаѣ возстанія Украины, Ленинъ выскажется за „пораженіе Россіи“, то русскій пролетаріатъ скорѣе всего не послушаетъ его и пойдетъ противъ Украины.

Вѣдь онъ будетъ помнить, что уже въ продолженіи десяти лѣтъ Ленинъ самымъ эдгергичнымъ образомъ выступаетъ противъ „распаденія Россіи“, что онъ всегда былъ того мнѣнія, что „выгоды крупныхъ государствъ и съ точки зрѣнія экономическаго прогресса и съ точки зрѣнія интересовъ массы несомнѣнны, при чемъ они все возрастаютъ съ ростомъ капитализма“ и что необходимо „самый полный союзъ (пролетаріевъ угнетенныхъ націй) съ русскимъ пролетаріатомъ“ ибо только такой союзъ дастъ гарантію полного политическаго и экономическаго освобожденія“.

Кромѣ того, русскій рабочій научился отъ Ленина, что современныя войны отличаются ихъ исключительнымъ имперіалистическимъ характеромъ. Принявъ это во вниманіе русскіе рабочіе легко сообразятъ, что украинская буржуазія, которая будетъ стоять во главѣ возставшаго украинскаго народа, если она будетъ побѣдителемъ, не ограничится, конечно, освобожденіемъ украинской территоріи, а постарается также „освободить“ напр., и Бѣлорусію, о присоединеніи которой уже теперь мечтаютъ сторонники независимой Украины. Не откажется украинская буржуазія и отъ анексіи добраго куска великорусской территоріи.

Опасность украинской побѣды должна будетъ толкнуть русскій пролетаріатъ на выступленіе противъ „самоопредѣляющейся“ Украины и въ свое оправданіе онъ

скажетъ, что его „право на самоопредѣленіе націй вовсе не равносильно требованію отдѣленія, дробленія, образованія мелкихъ государствъ“. Украинскихъ же рабочихъ, если они, повѣривъ въ „право на самоопредѣленіе“, присоединятся къ возстанію, русскій пролетаріатъ назоветъ измѣнниками дѣлу „полнаго политическаго и экономическаго освобожденія“ и будетъ бороться противъ нихъ въ „освободительныхъ“ цѣляхъ.

Такимъ образомъ, какъ русскій пролетаріатъ такъ и украинскій, если онъ будетъ исходить изъ „права на самоопредѣленіе націй“ въ моментъ борьбы ихъ народовъ, великорусскаго за „единство“, а украинскаго за „отдѣленіе“, неизбѣжно придутъ къ выводу необходимости „защиты ихъ отечествъ“. Тотъ, кто отстаиваетъ опредѣленное право не можетъ не защищать того, что осуществленіе этого права ему принесетъ. Если мы, скажемъ, послѣ долгой борьбы добиваемся права на свободное слово, то при всякой попыткѣ отобрать его у насъ мы будемъ защищаться. Не защищая осуществленныхъ требованій нѣтъ смысла бороться за нихъ.

Осуществленіе „права на самоопредѣленіе“ обязываетъ къ „защитѣ отечества“. Въ виду этого намъ кажется нелогичнымъ отказъ сторонниковъ „права на самоопредѣленіе“ отъ защиты современныхъ государствъ. Вновь организованныя государства ничѣмъ въ дѣйствительности не будутъ отличаться отъ существующихъ уже государствъ. Русскіе социалдемократы, обсуждая „право на самоопредѣленіе“, никогда не затрагивали вопроса о томъ, какими должны быть новыя границы — историческими или этнографическими. Если, на примѣръ, возстановить Польшу въ ея историческихъ границахъ, то пришлось бы включить въ нее литовцевъ, бѣлоруссовъ и половину украинцевъ. Но если мы захотимъ принять принципъ этнографическихъ границъ, то и въ этомъ случаѣ не придемъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, такъ какъ границы при капиталистическомъ

порядкѣ съ его войнами и анексіями постоянно измѣняются. Поэтому не существуютъ и не могутъ существовать въ настоящее время цѣльныя въ національномъ смыслѣ государства и въ каждомъ изъ нихъ господствуетъ наиболѣе сильная числомъ нація.

Но всѣ эти соображенія собственно не касаются „права на самоопредѣленіе“ русскихъ революціонныхъ социалдемократовъ, такъ какъ ихъ „право на самоопредѣленіе“ представляетъ ничто иное, какъ сущее „лицемѣріе“.

Преклоненіе русскихъ социалдемократовъ передъ „крупными государствами“ и передъ централизмомъ этихъ государствъ убиваетъ въ нихъ способность взглянуть на національный вопросъ съ искренне интернаціоналистической точки зрѣнія.

Ленинъ, напримѣръ, рѣшаетъ вопросъ о взаимоотношеніи „большихъ“ и „маленькихъ“ націй точно такъ же, какъ разрѣшаютъ его на практикѣ правительства „крупныхъ государствъ“. При чемъ онъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, выдаетъ свои взгляды за послѣднее слово марксистскаго совершенства и говоритъ отъ имени Маркса съ такой увѣренностью, какъ говорятъ отъ имени Господа Бога клерикалы.

Еще въ 1896 году Каутскій, въ его предисловіи къ „Революціи и контръ-революціи“ Маркса, совершенно правильно отмѣтилъ, что Марксъ ошибся, „отрицая за (австрійскими) славянскими племенами, прежде всего за чехами, всякую возможность національнаго существованія“. Ошибка Маркса заключалась, по мнѣнію Каутскаго, въ томъ, что Марксъ не принялъ въ соображеніе того, что „въ 1848 году національное движеніе богемцевъ было классовой борьбой, во главѣ котораго стоялъ *одинъ* классъ, мелкая буржуазія. Благодаря этому вся нація могла выступить временно какъ врагъ революціи и національное движеніе имѣло характеръ единства и цѣ-

лости. Въ настоящее время чешская нація раздрана тѣми же глубокими классовыми противорѣчіями, какъ и всякая другая современная нація, и потому невозможно, чтобы она снова выступила, какъ цѣлое, противъ революціоннаго движенія и предала его“. „Австрійскіе славяне, какъ національности, никогда уже не сыграютъ такой роли, какую они сыграли въ 1848 году“.

Приговаривая австрійскихъ славянъ къ национальной смерти, Марксъ всѣ свои симпатіи обращаетъ къ Польшѣ, при помощи восстановленія независимости которой онъ рассчитывалъ на полную побѣду европейской демократіи. Но положеніе измѣнилось. Ленинъ выступаетъ теперь противъ лозунга независимой Польши, потому что „Петербургъ сдѣлался гораздо болѣе важнымъ революціоннымъ центромъ, чѣмъ Варшава“. Не смотря на это, Ленинъ все же пользуется позиціей Маркса послѣ 48 г., чтобы оправдать свой взглядъ на необходимость подраздѣленія народовъ на „революціонные“ и на „реакціонные“ и „подчиненія интересовъ демократіи одной страны интересамъ демократіи нѣсколькихъ или всѣхъ странъ“.

Въ доказательство справедливости такого взгляда, Ленинъ приводитъ слѣдующій примѣръ: „Представимъ себѣ, что между двумя большими монархіями находится одна маленькая, королекъ которой родственными или иными узами „связанъ“ съ монархами обѣихъ сосѣднихъ странъ. Представимъ себѣ, далѣе, что провозглашеніе республики въ маленькой странѣ, изгнаніе ея монарха, означало бы на практикѣ войну между двумя сосѣдними большими странами изъ-за восстановленія того или иного монарха маленькой страны. Нѣтъ сомнѣнія, что вся международная с.-д.-ія, какъ и дѣйствительно интернаціоналистическая часть с.-д.-и маленькой страны *были бы противъ замѣны монархіи республикой* въ данномъ случаѣ“.

Примѣръ этотъ поразителенъ. Воцерныхъ предположе-

ніе возможности войны между двумя большими государствами изъ-за изгнанія „королька“ въ „маленькой странѣ“ такъ же наивно, какъ, напр., объясненіе современной міровой войны убійствомъ австрійскаго престолонаслѣдника сербомъ. Изгнаніе „королька“ могло послужить лишь поводомъ большимъ государствамъ для сведенія между собой империалистическихъ счетовъ и поэтому, казалось бы, „вся международная социалдемократія“ должна была бы выступить не противъ республиканскихъ стремленій „маленькой страны“, а противъ войны большихъ государствъ, при чемъ однимъ изъ ея антивоенныхъ лозунговъ долженъ бы быть лозунгъ *защиты* республики „маленькой страны“ и стремленіе осуществить республиканскій порядокъ въ воюющихъ большихъ государствахъ.

Но не надо забывать, что Ленинъ относится съ крайнимъ презрѣніемъ къ „маленькимъ націямъ“, называетъ ихъ „однимъ изъ источниковъ паразитизма“ и обыкновенно отождествляетъ понятіе „маленькія“ съ понятіемъ „угнетенныя“. Онъ тоже находитъ, что „интернаціоналистическое воспитаніе рабочаго класса не должно быть *конкретно одинаковымъ* въ націяхъ большихъ и угнетающихъ и въ націяхъ маленькихъ и угнетенныхъ“. Такъ какъ: „Путь къ одной цѣли: къ полному равноправію, тѣснѣйшему сближенію и дальнѣйшему *снятію* *всѣхъ* націй идетъ здѣсь, очевидно, различными конкретными дорогами“.

„Центръ тяжести, пишетъ Ленинъ, интернаціоналистическаго воспитанія рабочихъ въ угнетающихъ странахъ неминуемо долженъ состоять въ проповѣди и въ отстаиваніи ими свободы отдѣленія угнетенныхъ націй“. И заявивъ со свойственнымъ Ленину джентельменствомъ, что „мы въ правѣ и обязаны третировать всякаго социалдемократа угнетающей націи, который *не* ведетъ такой пропаганды, какъ империалиста, какъ негодяя“, тотчасъ же добавляетъ, что „мы обязаны воспитывать ра-

бочихъ въ „равнодушiя“ къ національнымъ различiямъ. Это безспорно“ *).

Казалось бы воспитанiе такого „равнодушiя“ и есть воспитанiе „негодяевъ“, но Ленинъ разъясняетъ, что: „Членъ угнетающей нацiи долженъ быть „равнодушекъ“ къ вопросу о томъ, принадлежать ли маленькiя нацiи его государству или *сосѣднему* или самимъ себѣ, смотря по ихъ симпатiямъ: безъ такого „равнодушiя“ онъ не социалдемократъ. Чтобы быть социалдемократомъ интернационалистомъ, надо думать не о своей только нацiи, а *выше ея* ставить интересы всѣхъ, ихъ всеобщую свободу и равноправiе“.

„Наоборотъ. Социалдемократъ маленькой нацiи долженъ центръ тяжести своей агитацiи класть на второмъ словѣ нашей формулы: „добровольное *сосединенiе*“ нацiй. Онъ можетъ, не нарушая своихъ обязанностей, какъ интернационалиста, быть и за политическую независимость своей нацiи и за ея включенiе въ сосѣднее государство. Но во всѣхъ случаяхъ онъ долженъ бороться *противъ* мелко-национальной узости, замкнутости, обособленности. за учетъ цѣлаго и всеобщаго, за подчиненiе интересовъ частнаго интересамъ общаго“.

Итакъ социалисты угнетающихъ нацiй должны „равнодушно“ проповѣдывать и отстаивать „право на самоопредѣленiе нацiй“, а социалисты нацiй угнетенныхъ должны „во всѣхъ случаяхъ“, наоборотъ, отстаивать „соединенiе нацiй“ и „подчиненiе интересовъ частнаго интересамъ общаго“.

---

*) „Сборникъ“ помѣщена замѣтка объ „Общегородской с.д. конференцiи въ Харьковѣ“, состоявшейся въ ноябрѣ 1915 г. Въ приведенныхъ резолюцiяхъ этой конференцiи, не смотря на то, что Харьковъ украинскiй городъ, ни однимъ словомъ не упомянуто о национальномъ угнетенiи Украины и о ея „правѣ на самоопредѣленiе“. Казалось бы, моментъ для такого заявленiя былъ очень подходящимъ. Спрашивается поэтому, считаетъ ли Ленинъ харьковскую с.д. конференцiю собранiемъ „негодяевъ“ и если нѣтъ, то почему?

Объ стороны, соціалысты угнетающихъ и угнетенныхъ націй обязаны, если они не хотятъ быть „негодьями“, стремиться къ „тѣснѣйшему сближенію и дальнѣйшему слиянію всѣхъ націй“.

Нѣтъ сомнѣнія, что это „дальнѣйшее слияніе“ выражаетъ собой не интернаціонализмъ, а современную систему централизма „крупныхъ государствъ“ и „дальнѣйшей“ ассимиляціи и угнетенія подчиненныхъ имъ націй.

Вѣрный этой системѣ, Ленинъ переноситъ ее и въ соціалистическій порядокъ и заявляетъ, что „цѣлью соціализма является не только уничтоженіе раздробленности человѣчества на мелкіе государства и всякой особенности націй, не только сближеніе націй, но и слияніе ихъ“. Какъ убѣжденный централистъ онъ отворачивается отъ того общепризнаннаго факта, что капиталистическій порядокъ, угнетая націй, одновременно возрождаетъ ихъ и организуетъ. Возрожденіе угнетенныхъ націй параллельно съ демократизаціей культуры и поэтому нельзя не согласиться съ Бауеромъ, что націи полностью разовьются только при соціализмѣ, когда широкія массы примутъ участіе въ культурной жизни, которая неизбѣжно приметъ національный характеръ, ускоряющій своимъ мирнымъ разнообразіемъ общественный прогрессъ.

Во всякомъ случаѣ ясно, что признаніе необходимости „дальнѣйшаго слиянія націй“ никакъ нельзя помирить съ „тезисомъ“ права на самоопредѣленіе и мы поэтому не можемъ не отнести этотъ „тезисъ“ къ числу прочихъ національно-„освободительныхъ“ лозунговъ современнаго воюющаго империализма. Последняя циммервальдская конференція искренно и честно заявила, что она считаетъ пролетаріатъ обязаннымъ „отклонять всѣ дѣланыя, подъ знаменемъ освобожденія угнетенныхъ народовъ пробы созданія будто независимыхъ, а по существу неспособныхъ къ жизни государствъ“.

Циммервальдское интернаціоналистическое движеніе

выступило, какъ извѣстно, съ *автономистической* программой въ національномъ вопросѣ, заявивъ въ резолюціи его второй конференціи, что „Пока социализмъ не осуществилъ свободы и равенства правъ всѣхъ націй (сравните съ ленинскимъ „дальнѣйшимъ сліяніемъ“!) неизмѣнной обязанностью пролетаріата долженъ быть энергичный отпоръ *путемъ классовой борьбы противъ всякаго угнетенія* болѣе слабыхъ націй и требованіе защиты національныхъ меньшинствъ и автономіи на основаніи полной демократіи“.

Классовая борьба противъ всякаго національнаго угнетенія — вотъ тотъ принципъ, на которомъ только и можетъ быть построена дѣйствительно интернационалистическая социалистическая программа въ національномъ вопросѣ.

Разница между циммервальдскими „тезисами“ въ національномъ вопросѣ и „тезисами“ Центрального Органа Р. С.-Д. Р. II. именно въ томъ и заключается, что послѣдній, признавая „право на самоопредѣленіе націй“, въ дѣйствительности отстаиваетъ политику враждебнаго отношенія къ освободительной борьбѣ націй, противопоставляя циммервальдской „свободѣ и равенству правъ всѣхъ націй“ свое „дальнѣйшее сліяніе“.

Отстаивая борьбу за національное освобожденіе, циммервальдцы проявляютъ достойную всякаго признанія заботу о „национальныхъ меньшинствахъ“ и требуютъ демократической автономіи для угнетенныхъ націй.

„Центральный Органъ“, наоборотъ, не только не выставляетъ требованія автономіи, но относится къ ней даже презрительно, потому что, по выраженію Ленина, „автономія, какъ реформа, принципиально отлична отъ свободы отдѣленія, какъ революціонной мѣры“.

Все что защищаетъ Ленинъ всегда, конечно, очень революціонно. Но если взять примѣры Швеціи и Норвегіи, съ которыми такъ носится Ленинъ, то эти двѣ націи „самоопредѣлились“ мирно и правительственнымъ

путемъ. Съ другой стороны борьба за ирландскую автономію проявлялась въ длительной и упорной революціонной борьбѣ.

Ленину приходится въ его защитѣ „права на самоопредѣленіе“, чтобы выйти побѣдителемъ, сжѣсывать понятія. Въ данномъ случаѣ онъ отождествляетъ формы освобожденія націй со средствами осуществленія ихъ освобожденія.

Осуществленіе автономіи, какъ и государственной независимости можетъ быть результатомъ въ одномъ случаѣ революціонной борьбы, въ другомъ легальнаго правительственнаго или общественнаго акта. Кромѣ того за одинъ и тотъ же освободительный національный лозунгъ различныя классы угнетенной націи, различно его понимал, различно и борются за него. Буржуазія какъ въ стремленіи къ государственной независимости, такъ и въ стремленіи къ автономіи неизмѣнно пользуется политикой компромисса съ правительствомъ господствующаго государства, патриотическія чувства въ которомъ у нея несравненно сильнѣе симпатій къ демократическимъ намѣреніямъ ея народа.

Что касается до пролетаріата и демократіи угнетенной націи, то ихъ національно-освободительныя стремленія выразятся въ рѣшающіе моменты при автономистической демократической программѣ къ *баррикадной* борьбѣ, а при программѣ отдѣленія въ борьбѣ *траншейной*.

Не скроемъ, что мы, съ нашей стороны, предпочитаемъ борьбу баррикадную т. е. политическую революцію борьбѣ траншейной т. е. войнѣ. Отличіе автономистическаго движенія отъ движенія сепаратистическаго въ томъ именно и заключается, что первое ведетъ демократію *всѣхъ* націй, угнетенныхъ „крупнымъ государствомъ“, на путь борьбы за политическое освобожденіе, ибо только при свободномъ политическомъ порядкѣ возможно осуществленіе демократической автономіи, въ то время какъ второе — сепаратистическое, является дѣломъ *одной*

угнетенной нации, которая борется не против угнетающего ее порядка, а против угнетающего ее государства, — не может не превратиться при современной напряженной атмосфере антагонизма „крупных государств“ в империалистическую военную комбинацию.

Необходимо принять во внимание так же и то, что стремление к завоеваниям капиталистических держав служит как бы продолжением системы угнетения наций внутри этих держав. Московское государство, например, только тогда превратилось в современную российскую империю, когда оно покорило, стоящие выше его в культурном отношении, но дезорганизованные междоусобными войнами Польшу и Украину и подчинило общ царскому варварскому бюрократическому централизму. Величие „русской“ империи, приводившее всегда в такой восторг русское оппозиционное движение, построено на господстве великорусского народа над цѣлым рядом аннексированных народов.

Угнетение наций внутри государства, подобно угнетению колониального населения, способствует развитию империалистической жадности правительства „крупного государства“, которое для осуществления своих военных планов пользуется не только своим народом, но и громадными массами угнетенных народов, составляющих в Россіи, как и в Австрii, большинство населения. Центр вытягивает из угнетенных им народов большія средства, которыя обогащают государственную кассу и дают возможность правительству содержать армию и чиновничество, которыя обезпечивают его господство.

Поэтому демократическая, автономистическая децентрализация „крупных государств“, позволяющая и демократии угнетенных народов принять участие в политической жизни, не может не ослаблять реакционность и всемогущество центральной власти. Поэтому так же национально освободительныя движения угнетенных на-

цій и въ особенности, если пролетаріатъ принимаетъ въ нихъ активное революціонное участіе, слязывая свое національное освобожденіе съ его общимъ классовымъ освобожденіемъ, — несомнѣнно служить общественному прогрессу.

Въ вопросѣ старыхъ аннексій Центральный Органъ Р.С.-Д.Р.П. держится того мнѣнія, что „протестъ противъ анексіи есть ничто иное, какъ признаніе права самоопредѣленія“, т. е., что если мы выступаемъ противъ новыхъ анексіи, то мы тѣмъ самымъ должны выступать противъ старыхъ анексіи и значить за право самоопредѣленія. Ленинъ утверждалъ въ виду этого, что я „выступаю противъ права самоопредѣленія, *такимъ образомъ* защищаю старыя анексіи царизма (Финляндіи и т. п.)“ и обозвалъ меня по этому поводу „довольно откровеннымъ слугою буржуазіи“.

Ленинъ очень любитъ, какъ бы въ доказательство его „революціонной“ безпашности, ругнуть крѣпкимъ словомъ своего противника. Отъ этой его манеры тошнить и приходится часто дѣлать надъ собой извѣстное усиліе, чтобы заставить себя продолжать съ нимъ разговоръ.

Въ доказательство того, что протестующіе противъ анексіи должны признавать право самоопредѣленія, Ленинъ приводитъ такое сравненіе: „Допустимъ, я выхожу на улицу любого европейскаго города и заявляю публично (!), повторяю потомъ въ газетахъ (!) „протестъ“ противъ того, что мнѣ не позволяютъ купить человѣка въ рабство. Нѣтъ сомнѣнія, что меня въ правѣ будутъ считать рабовладѣльцемъ, сторонникомъ принципа или системы, какъ хотите, рабства. Что мои симпатіи къ рабству облечены въ отрицательную форму, а не въ положительную („я за рабство“), это никого не обманетъ. Политическій „протестъ“ *воплотъ* равносильнъ политической программѣ, это до того очевидно, что какъ то неловко даже быть вынужденнымъ разьяснять“.

Мы очень сомнѣваемся, что публика „любого евро-

пейскаго города“ могла бы “счесть“ Ленина рабовладельцемъ. Она скорѣе всего приняла бы его за господина психически больного маніей господства. Редакція газетъ „любого европейскаго города“ навѣрное съ удивленіемъ бросила бы его „протестъ“ въ редакціонныя корзины. Впрочемъ это „сравненіе“ такъ же нелѣпо, какъ и утвержденіе, что „политическій“ „протестъ“ (кавычки Ленина) *вполнѣ* равносильнѣ политической программѣ“.

Вторая циммервальдская конференція совершенно правильно заявила, что „пролетаріатъ борется противъ анексій не потому, что признаетъ мировую карту, какой она была передъ войной, за соотвѣтствующую интересамъ народа и которая поэтому не должна быть измѣненной! Соціализмъ самъ стремится къ уничтоженію всякаго національнаго угнетенія путемъ экономическаго и политическаго объединенія народовъ, которое неосуществимо при существованіи капиталистическихъ границъ“.

Мы протестуемъ противъ новыхъ анексій, потому что они служатъ новымъ насиліемъ надъ націями и новымъ препятствіемъ ихъ освободительнымъ движеніямъ. Что касается старыхъ анексій, то дѣйствительнымъ защитникомъ ихъ являемся не мы, а Ленинъ, потому что онъ, а не мы, стоитъ за „дальнѣйшее сліяніе націй“ въ „крупныхъ“ и централизованныхъ государствахъ, а отъ его „права на самоопредѣленіе“, какъ онъ самъ утверждаетъ, откажутся по его „обозначенію“ угнетенныя націи.

Мы, наоборотъ, отстаиваемъ необходимость борьбы съ послѣдствіями старыхъ анексій, съ угнетеніемъ аннексированныхъ націй и завоеванія для нихъ демократическихъ и автономныхъ правъ, какъ единственной возможной гарантіи ихъ свободнаго національнаго существованія и развитія при капиталистическомъ порядкѣ. Измѣненіе границъ — задача имперіализма, наша задача — борьба за децентрализацию и демократизацию „крупныхъ государствъ“. При чемъ пролетаріатъ угнетающей націи,

по крайней мѣрѣ его дѣйствительно интернационалистически настроенная часть, обязана помогать намъ въ нашей борьбѣ своимъ давленіемъ на центральное правительство.

Мы противъ того, чтобы петроградское правительство и петроградскій центральный комитетъ централизовали въ своихъ рукахъ, первое — всю политическую власть надъ россійской имперіей, второй — всю организационную власть надъ россійской социалдемократіей.

Мы отстаиваемъ федералистическій принципъ какъ въ устройствѣ россійской имперіи, такъ и въ организаціи россійской социалдемократіи.

Когда украинская социалдемократія, окончательно сформировавшаяся въ програмномъ и организационномъ отношеніи на ея учредительномъ съѣздѣ въ 1903 году, высказалась за объединеніе съ россійской социалдемократіей на основѣ автономіи, то россійскіе социалдемократы въ продолженіи длительныхъ, нѣсколько разъ возобновлявшихся, переговоровъ съ нами самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицали объединеніе, предлагая намъ „слияніе“, отъ котораго мы, конечно, отказались и на которое никогда не согласимся.

Чтобы представить себѣ совершенно конкретно, что такое „право на самоопредѣленіе націй“, достаточно будетъ привести цитату изъ письма Ленина въ одну изъ нашихъ редакцій, которую мы печатаемъ съ разрѣшенія автора: „Долженъ сказать, писалъ онъ намъ, что по повѣдью *отдѣленія* украинскихъ рабочихъ въ особую с.-д. организацію возмущенъ глубоко“.

Украина — въ продолженіи всего XIX и нашего столѣтія находится въ положеніи великорусской колоніи при чемъ репрессіи царскаго правительства надъ украинскимъ движеніемъ всегда были безпощадны. Украинское печатное слово было запрещено въ продолженіи 30 лѣтъ передъ революціей и теперь снова запрещено съ начала настоящей войны, въ то время, какъ русская армія при

занятія Галиціи и Буковины разгромила всѣ культурныя достоянія украинскаго народа, которыя онъ приобрѣлъ въ сравнительно свободныхъ политическихъ условіяхъ Австріи.

Украинская социалдемократія признала своей обязанностью борьбу за освобожденіе своего народа. Она противопоставила украинской буржуазной политикѣ, заключающейся въ исключительномъ стремленіи „помириться съ правительствомъ“ за цѣну маленькихъ уступокъ съ его стороны, политическую программу демократической автономіи и тактику революціонной классовой борьбы совмѣстной съ пролетариатомъ всѣхъ націй Россіи противъ царскаго порядка и за политическую и національную свободу. Отдѣльная, но связанная автономно съ російской социалдемократіей, украинская организація необходима для осуществленія отдѣльнаго политическаго требованія автономіи Украины.

Но русская социалдемократія встрѣтила наше движеніе съ первыхъ дней его появленія съ „глубокимъ возмущеніемъ“. Въ мѣру роста нашего движенія и не смотря на то, что наша партія приняла въ 1905 году совершенно опредѣленный социалдемократическій характеръ и придерживалась послѣдовательной революціонной тактики, нашъ антагонизмъ съ русскими социалдемократами, работавшими на Украинѣ, не только не ослабѣвалъ, а постоянно усиливался.

Къ намъ относились какъ къ „шовинистамъ“ и какъ къ „сенаратистамъ“, не смотря на то, что русскіе социалдемократы, слѣдуя по стопамъ правительственной ассимиляціи и пользуясь ея результатами, организовывали пролетариатъ въ украинскихъ городахъ, какъ русскій пролетариатъ и этимъ отдѣляли его культурно отъ пролетариата сельскаго, чѣмъ, конечно, нарушали единство рабочаго движенія на Украинѣ и замедляли его развитіе.

За все время ихъ дѣятельности они никогда не вы-

ступали на украинской территоріи противъ національнаго угнетенія и пользовались результатами этого угнетенія, какъ возможностью расширенія ихъ вліянія и ихъ организацій на всю большую украинскую территорію, что, конечно, значительно усиливало ихъ движеніе.

Мы никакихъ претензій не можемъ имѣть къ русскимъ товарищамъ, работающимъ среди русскаго пролетаріата на русской территоріи или эмигрировавшаго на украинскую территорію, но мы говоримъ о тѣхъ русскихъ социалдемократахъ, которые работаютъ среди нашего пролетаріата и, признавая наше „право на самоопредѣленіе“, отрицаютъ все же за нами право борьбы за наше національное освобожденіе.

Если они говорятъ искренно о томъ, что хотятъ протестовать противъ старыхъ анексій, въ результатъ которыхъ Россія тяжело угнетаетъ Украину, то пусть хоть не препятствуютъ украинскому пролетаріату бороться за его національное освобожденіе.

L. Rybalka.

L'Ukraine et la Guerre.

Lettre ouverte adressée à la 2-me conférence socialiste internationale tenue en Suisse en mai 1916, par la rédaction du journal social-démocrate ukrainien „Borotba“, édité à Genève (11, rue Caroline).